

Н.П. ОГАРЕВ: АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА В СТИХАХ

В статье рассматривается нетривиальный аспект автобиографической публицистики на материале текстов Н.П. Огарева – корпус его «стихотворных» автобиографических произведений. Анализируется их культурно-исторический контекст, делается вывод о сохранении в рассматриваемых текстах всех основных характеристик и особенностей автобиографической публицистики этого автора: программной откровенности и прямоты, гражданского пафоса, тонкого психологического анализа и отражения всего спектра научных, философских и практических увлечений.

Ключевые слова: автобиография, публицистика, Н.П. Огарев, лирика, автобиографическая лирика, история публицистики.

Автобиографическое (и публицистическое) наследие Н.П. Огарева¹ уникально тем, что внушительный корпус его работ подобного рода выполнен в, условно говоря, стихотворном виде: лирические зарисовки, поэмы, стихотворения на случай, дружеские послания. Совпадение трех, казалось бы, совершенно разноплановых по целям, формам и содержанию областей литературы дает экзотическое, но интересное для анализа образование, в котором в равной степени проявились аспекты личности Огарева – художника и общественного деятеля. «Поэт, поэт истинный», увлекающийся философией, науками, искусством, социально-общественными идеями и приложением их непосредственно к жизни, ощущавший постоянную потребность «рассказывать себя», естественным образом делал это в стихотворной форме. «Кажется, пятистопный ямб – дело человеческое», – выражал ближайший друг и единомышленник А.И. Герцен идею, справедливую для Огарева в еще большей степени.

«Рифмованной» автобиографической публицистике Огарева присущи те же «родовые» черты, что и его традиционно-прозаическим текстам, прежде всего – особое взаимоотношение их с действительностью. Это не только (и не столько) фиксация событий индивидуальной жизни и рефлексии, но и (во многом прямая, неадаптированная) проекция жизни общественной: истории идей, научных, философских веяний, экономических и социальных событий. Кроме того, в более или менее открытой форме манифестированная гражданская, социальная, политическая (например, в отношении Польши) и программно-личная позиция.

Безусловно, далеко не все произведения подобного рода появлялись в печати из-за цензуры, однако ходили в списках и были известны читателям. Большинство программных произведений Огарева увидело свет позже, в «Полярной звезде» (так, поэма «Господин» вышла в 1857 г., «Кавказские воды» – в 1861 г.), первые две части поэмы «Юмор» вышли отдельной книгой в Лондоне в 1857 г.

Еще одна отличительная особенность мемуарного (в том числе, стихотворного) наследия Огарева – предельная, исповедальная искренность. Огарев вообще часто использует слово «исповедь» и как название автобиографических отрывков, и как их жанровое определение («Моя исповедь», «Исповедь», «Исповедь лишнего человека»). Установка на искренность, а также медицинская точность записей душевных движений служили автору материалом для последующего самоанализа. Анализ и понимание психологических глубин, фиксирование их на бумаге, точная вербализация оттенков чувств были необходимы ему как поэту, в то время как Огарев-исследователь пытался найти физиологические, вполне материалистические причины тех или иных эмоций и поступков. «Я хочу посмотреть, каким образом это животное, которое называют Н. Огарев, вышло именно таким, а не иным, в чем состояло его физиолого-патологическое развитие, из каких данных, внутренних и внешних, оно складывалось и еще будет недолгое время складываться», – писал Огарев в «Моей исповеди»². Эта целевая установка распространялась в равной степени и на его прозаические, и на лирические произведения. «...Откуда же бралась вся эта жесткость? / Как объяснить?.. Среда да организм... / Безвольное движение поступков! / А там пришло сознание греха...» (2, 256) – вот типичный образчик рефлексии Огарева – полупозитивиста, полугероя Ф.М. Достоевского.

Вера в то, что человеческую жизнь можно разложить на «простейшие начала», логически вывести закономерности характера и

поступков из особенностей развития, типологизировать свой уникальный опыт как опыт современников, – все это превращает лирические мемуарные записи Огарева в произведения публицистические.

...Стремилась мысль к своей заветной цели.
И я в рядах событий и вещей
Следил их формулу.... Иного званья
Без вымыслов признать не может ум... (2, 252) –

несколько коряво формулировал мысль автора лирический герой поэмы «Исповедь лишнего человека» (1858–1859).

Точное совпадение героя стихотворений с личностью автора также приближает немалую часть поэзии Огарева к публицистике. В них выступает не столько лирический герой, образ и мировоззрение которого объединяет цикл или же отдельные стихотворения, а непосредственно автор, выбравший для автобиографических заметок стихотворную форму.

Поясняя особенности определения «лирического героя», Л.Я. Гинзбург отмечает: «...этот лирический двойник, эта живая личность поэта отнюдь не является эмпирической, биографической личностью, взятой во всей противоречивой полноте и хаотичности своих проявлений»³. «Принцип» лирики Огарева контрастно нарушает эту характеристику: его лирическое «я» как раз максимально тесно связано с «биографической личностью», вплоть до мельчайших ежедневных подробностей и единичных проявлений, во всей «полноте и хаотичности».

Прочитанные последовательно, с поправками на хронологию, стихотворные произведения Огарева вполне могут составить полную его автобиографию, со всеми необходимыми программными акцентами и центральными событиями личной и общественной жизни: от предков автора, его рождения и до самого преклонного возраста. При этом значительно разнится и масштаб этих событий: от попыток охватить всю прожитую жизнь и дать ей оценку – до поденных записей мельчайших происшествий.

Огарев предъявляет к себе суровые этические и гражданские требования, часто сопоставляя размах и высоту юношеских стремлений – и последующие реалии с неизбежными «поправками» косной материи. Результат видится часто печальным: «И жалок мне мой прошлый путь! / Я много ль истине дал ходу, / Свершил ли я хоть что-нибудь?», «Что ж я?.. споткнувшийся пророк / Или так... распутный старичок?» («Юмор»: 2,69).

...мы – дети декабристов
 И мира нового ученики,
 Ученики Фурье и Сен-Симона –
 Мы поклялись, что посвятим всю жизнь
 Народу и его освобождению,
 Основую положим социализм <...>
 И что ж потом? что ж вышло? – Ничего!
 («Исповедь лишнего человека»: 2, 252–253).

Подчас несоответствие «мечтаемому» образу видится автору почти трагическим, и ирония здесь лишь усугубляет ощущение провала:

Напиваясь брагой кроткой,
 Напиваясь вином,
 Напиваясь просто водкой,
 Шел я жизненным путем.
 И сломал себе я ногу,
 И, хромающий поэт,
 Все же дожил понемногу
 До шестидесяти лет⁴.

Огарев – поэт меланхолического тона, жизнь – как личная, так и общественная – печальна и полна боли, в лирике он редко доходит до трагизма. Лирико-автобиографический посыл Огарева вполне укладывается в известную формулу разочарования в поколении и современной истории, выдвинутой другом Герценом: «Наше историческое призвание, наше деяние в том и состоит, что мы нашим разочарованием, нашим страданием доходим до смирения и покорности перед истиной и избавляем от этих скорбей следующие поколения. Нами человечество протрезвляется, мы его спохмелее, мы его боли родов...»⁵.

Немалую долю в рассматриваемом корпусе текстов Огарева занимают автобиографические стихотворения, аккуратно передающие события жизни автора и его окружения, а также их культурно-исторический контекст и авторский комментарий. Такова программная поэма «Юмор» (1840–1841 – две первые части, от фр. *humeur* – настроение), которую исследователь творчества Огарева В.А. Путинцев назвал «своеобразным поэтическим дневником того времени».

В поэме есть и воспоминания детства, и хронология событий за 1840–1841 гг., в том числе поездка в Петербург для получения

паспорта («Я еду завтра. Может быть, / Меня отпустят за границу...») (2, 33), первые впечатления от столицы, планировавшаяся поездка на Кавказ в 1840 г. (2, 17). Упоминаются и сложности с получением заграничного паспорта, и полицейский надзор – с «фирменным» мягким огаревским юмором:

Ах, если б можно было мне
 Поездить наконец по воле,
 В любимой южной стороне! <...>
 Но я в России, милый друг,
 Как жук, привязанный за ножку,
 Могу летать себе вокруг
 И недалеко и немножко;
 А нить не вытащишь из рук...
 Что значит жук – простая мошка
 В сравненьи с толстым пауком
 В мундире светлоглубом? (2, 26).

Упомянуты ссылка М.Ю. Лермонтова после дуэли с Барантом (апрель – май 1840 г.) и статья В.Г. Белинского о «Герое нашего времени» (июнь – июль 1840 г.). Огарев высказывается и на политические темы, сочувствует Польше:

Везде сидит орел двуглавый,
 Над жертвой крылья распустив
 И когти хищные вонзив.
 Мне жалко жертву... (2, 62).

Есть в поэме и некоторый гражданский пафос, порой доходящий до радикализма:

Есть к массам у меня любовь,
 И в сердце злора Робеспьера.
 Я гильотину ввел бы вновь...
 Вот исправительная мера!
 Но нет ее, и только в них
 Могу я бросить желчный стих.

Примечательно, что в своей философской, рефлектирующей лирике Огарев применяет те же методы (естественнонаучные, условно-психоаналитические), что и в прозе, и даже включает в стихотворные произведения ту же научную терминологию, что и в

прозаические отрывки («Нельзя идти, стремясь к добру, / На труд общественного дела, / Поэтизируя хандру...» (2,75)).

Третья часть поэмы, написанная в 1867–1868 гг., резко отличается от первых двух, гораздо более «политизирована» и публицистична: в ней немало программных заявлений о положении в России («Вы верите, что юный царь / Есть, так сказать, освободитель?» (2, 71)) и мрачных лирических излияний на гражданские темы («Ряд смертей и погребений – / Все бесследно в мгле пустой» (2, 74)).

Некоторые автобиографические стихотворения Огарева имеют совсем иной масштаб – порой это даже не просто поденные записи, а почасовые хроники событий, сохраняющие, однако, авторский комментарий и рационально-философские рассуждения на «вечные» темы. Таковы, например, «Настоящее и думы (письма к Герцену)» – стихотворные зарисовки, написанные в 1863 г. во время болезни Лизы, дочери Н.А. Тучковой-Огаревой и А.И. Герцена (официально – Огарева). Вновь Огарев стремится к синтезу разноплановых тем: страх за ребенка и подробный медицинский анализ соседствуют с атеистическими философскими замечаниями, снами и бытовыми описаниями характера и действий Тучковой-Огаревой.

...Мой ужас прост: мое дитя больное
 В соседней комнате. Малейший звук
 Я слушаю сквозь веянье ночное,
 И жду беды, и чувствую испуг <...>
 Природа (иль – по-древнему – натура) –
 Ни мать, ни мачеха, а просто дура.
 Родит себе и рушит наповал,
 И все равно ей – смерть или родины;
 А человек в ней цели отыскал
 И умные последствия причины... (1, 373–374).

Точные автобиографические детали и социальный публицистический подтекст заметны даже в стихотворениях устойчивого жанра – элегиях, дружеских посланиях («<А.А.> Тучкову (21-го июля)» (1839), «Отцу» (1839), «Лизе» (1860)), даже в лирике «некрасовского образца». Таково, например, стихотворение:

Безлунной ночью плыл труп по реке <...>
 ...Я знаю, чей плыл это труп молодой, –
 Труп женщины, рушенной горькой бедой.
 Не выдержал мозг – столько жизнь не легка, –
 Ее утопила любовь да тоска.

Это не обобщенный образ обманутой и брошенной женщины, от отчаяния и нищеты решившейся на самоубийство, но запись о некоей Шарлотте Хадсон – бывшей возлюбленной сына Герцена Саши, родившей от него ребенка, позже жившей в доме малосимпатичной подруги Огарева, «падшего, но немилостивого создания» Мэри Сеттерленд, и от тяжелой жизни покончившей с собой.

Помимо «Юмора», к основным автобиографическим стихотворным запискам Огарева можно отнести поэмы «Тюрьма», «Деревня» и «Господин», а также лирический цикл «Buch der Liebe».

Поэма «Тюрьма (Отрывок из моих воспоминаний)» (1857–1858) была написана Огаревым о событиях 1834 г. – аресте его и группы товарищей (в том числе Герцена) по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи». Стихов ни он, ни Герцен не пели, а «дело» было организовано полицией, однако арест, последующее заключение и ссылка были настоящими.

Автор и через четверть века помнит мельчайшие детали тюремной обстановки («Там было комнат пять – едва / В длину шести-семиаршинных» (2, 208)) и всех посетителей – даже работниц у казарм. В тюрьме, судя по поэме, было не так уж плохо, к тому же здесь впервые юный борец за права народа ощутил с этим народом взаимное братское чувство:

...И сам фельдфебель обнял братски...
 Я был им брат, был им родной <...>
 ...Новой силой
 Я был исполнен... Миг святой!
 То было тайное сознание,
 Что я народу не чужой! –
 Что мне тюрьма и что изгнание?.. (2, 214).

И Огарев, и Герцен рассматривали заключение как дело в общем благое, окончательно сформировавшее их гражданское и политическое мировоззрение и позицию.

Себя юношу Огарев рисует как молодого «борца», рефренозно повторяя «в библии гадал, / Чтоб вышли мне по воле рока / И жизнь, и скорбь, и смерть пророка» (2, 212). Это знаковое сближение судьбы поэта и пламенного приверженца новой религии: здесь Огарев затрагивает один из своих любимых образов – последователя раннего христианства, готового погибнуть за новую религию.

Особое место среди автобиографических произведений Огарева занимает лирический цикл «Buch der Liebe» (1841–1844) – 45 стихотворений, большая часть которых была написана во время

путешествия по Европе. Эти лирические монологи – послания к Евдокии («Душеньке») Сухово-Кобылиной, младшей сестре известного драматурга, московской светской красавице, предмету его нежной, но тайной любви.

Стихотворения-монологи, входящие в цикл, автобиографичны (а также – «автогеографичны»), по ним можно проследить передвижения автора (Пиза – Флоренция – Ливорно – Рим и окрестности – Неаполь – Генуя – Берлин), точные лирические зарисовки тончайших оттенков чувства: «...все перемены, которым оно подвергалось, прослежены Огаревым от даты к дате и нашли свое выражение в его искренних автобиографических признаниях»⁶.

Одними из лучших образцов экзотического жанра лирической автобиографической публицистики можно назвать поэмы «Деревня» и «Господин». Обе поэмы, написанные в «акшенский» период («Деревня» – в 1847 г., «Господин» – в конце 1840-х годов), схожи как по форме: они написаны под явным влиянием «Евгения Онегина», так и по автобиографической основе: молодой помещик приезжает в поместье, где часто проводил лето в детстве, с целью коренных преобразований в экономике имения и улучшения жизни крестьян. Точно описаны и интерьер господского дома, и важные для Огарева сквозные темы всего его творчества: любви и ощущения себя «лишним человеком», обремененным чувством вины за праздную жизнь:

Он начал думать о себе,
О том, что молодость проходит,
А он одно в своей судьбе
праздношатание находит... (2,106).

Цель героев благая: они едут в деревню,

Чтоб дело делать в этом мире:
Начать воспитывать крестьян,
В их нравах сделать улучшенья,
Зерно ума и просвещенья
Посеять в глушь далеких стран (2,107).

В краткой предыстории героев есть точные совпадения с фактами биографии Огарева: там есть и «ласки граций покупных», и «вин и водок чуть не море», и посещение лекций и галерей во время путешествия в Европу («Филологии, медицине, / Всему учась во всех странах...» (2, 86)), и тайная любовь – явный намек на Евдокию-Душеньку Сухово-Кобылину («<...> слишком трудно, безнадежно / Он любит вот уже пять лет» (2,108)).

Однако и работа заводов (винокуренного, сахарного и писчебумажной фабрики), и попытки преобразований крепостных в вольнонаемных работников потерпели неудачу, заводы прибыли не давали, а крестьяне и мастера на воле работали так же неохотно, как и в крепости. Огарев оказался банкротом и вместе с незаконной женой, юной Н.А. Тучковой, стал хлопотать об отъезде за границу.

Финалы поэм представляют нечто вроде «экстраполяции» судьбы Огарева, который как будто продумывал возможные варианты дальнейшей жизни и действий.

Главный герой поэмы «Господин» Андрей Потапыч поначалу пытается проводить в имении реформы, однако скоро устает, «опускается», заводит любовницу из дворовых девок, ограниченную и жестокую, и спивается. Будучи подвержен несчастной склонности к алкоголю, Огарев вполне осознавал подобный вариант развития событий.

В «Деревне» Огарев визионерски пророчествует о собственном будущем. Разочаровавшись в возможности непосредственных изменений на родине («Я только на пустынный труд / Растрочу силу и отвагу. / Один не изменю я ход, / Который избрали: народ, / Его правительство и барство (2, 104)), он говорит о будущей эмиграции и антиправительственной пропаганде: «Уйду, чтоб в каждое мгновенье / В стране чужой я мог казнить / Мою страну, где больно жить...» (2, 104), «Я стану в чуждой стороне / Порядок, ненавистный мне, / Клеймить изустно и печатно» (2, 105)).

С 1847 г. до отъезда за границу – к Герцену в Лондон – Огарев пишет множество разрозненных автобиографических стихотворений, по которым можно проследить канву основных событий в его личной жизни тех лет и узнать лирические размышления автора по их поводу. Так, в стихотворении «Искандеру» отразился мировоззренческий разрыв с друзьями, произошедший в 1847 г. на даче Герцена в Соколове: «Я правды речь вел строго в дружном круге – / Ушли друзья в младенческом испуге» (1, 244).

Характерно, что у любвеобильного Огарева почти нет любовных посланий Н.А. Тучковой – возможно, чувство к ней было во многом «программным» (косвенным подтверждением тому было предложение фиктивного брака) и сменилось скукой и быстрым разочарованием. Одно из немногих – «К Н.<А.Тучковой>» (1850-е) – больше походит на революционную песнь, чем на послание любимой, соединение с которой состоялось, несмотря на условности общества:

На наш союз святой и вольный –
Я знаю – с злобою тупой
Взирает свет самодовольный,
Бродя обычной колесей <...>
С улыбкой грустного презренья
Мы вступим в долгую борьбу,
И твердо вытершим гоненья... (1, 257).

Начиная с этого периода большинство автобиографических записей (как стихотворных, так и остальных) отличаются глубоким пессимизмом, унынием, в лучшем случае – горькой иронией.

Так, сбежав в Крым в 1853 г., Огарев пишет стихотворение «Сплин» с пометкой «Посвящено Н.<А. Тучковой>»: печальная осень, смерти и утрата друзей – его лейтмотивы.

Полны пессимизма и стихотворение «Немногим» – на отъезд из России (1, 289), и «И<сканде>ру» (1856), написанное по приезде в Лондон на встречу с лучшим другом. Огарев сетует на изменения в здоровье:

...Но годы уж не те! И кровь напитком жгучим
Бесплодно в жилах разогрев,
Уже мы не пойдем в волнении могучем
На праздник сладострастных дев (1, 292).

Во время эмиграции, с конца 1850-х годов, заметна смена тематики и пафоса стихотворений Огарева: почти исчезают упоминания о событиях личной жизни, и автобиографическая публицистика превращается просто в публицистические зарисовки, памфлеты и политические воззвания. Показательно, что с этого же времени основное автобиографическое произведение Герцена «Былое и думы» (части VI–VIII) также практически утрачивает «личную» составляющую, полностью концентрируясь на публицистике. Общее «личное» друзей и единомышленников более не существовало в единении с историческим и гражданским «общим» и не подлежало огласке.

Примечания

¹ Подробнее о жанре автобиографической публицистики см.: *Одесский М.П.* Автобиографическая публицистика М.А. Бакунина и идеология «славянской взаимности» // Вестник РГГУ. 2012. № 13 (93). Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». С. 153–170. О своеобразии

- автобиографической публицистики А.И. Герцена и В.С. Печерина см. статьи: *Волошина С.М.* Художественное своеобразие публицистики А.И. Герцена: Приемы контраста и метафоры // Там же. 2011 № 6 (68). Серия «Журналистика. Литературная критика». С. 180–188; *Волошина С.М.* Проблема житнетворчества в автобиографической публицистике В.С. Печерина: («Замогильные записки» и роман Ж. Санд «Спиридион») // Там же. 2012. № 13 (93). С. 171–182.
- ² *Огарев Н.П.* Избранные произведения: В 2 т. / Вступ. ст. В.А. Путинцева, подгот. текста и примеч. Н.М. Гайденова. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 1: Стихотворения; Т. 2: Поэмы. Проза. Литературно-критические статьи. С. 392. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и страницы.
- ³ *Гинзбург Л.Я.* О лирике. М.: Интрада, 1997. С. 161.
- ⁴ Неизданные и несобранные произведения Огарева / Вступ. ст., публ. и коммент. Я. Черняка // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 61. С. 646.
- ⁵ *Герцен А.И.* Былое и думы. 1852–1868. Часть V // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1965. Т. 10. С. 122.
- ⁶ Там же. С. 649.